

РЕЖИМ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ В КОНГО: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Патрис Лумумба представляет собой фигуру, известную в нашей стране не только среди африканистов. Его кратковременное правление и особенно гибель, вокруг которой сразу же возникло немало слухов и домыслов, сделали П. Лумумбу популярным далеко за пределами Центральной Африки. Советская пропаганда уже в начале 1960-х гг. небезуспешно стремилась сделать из этого имени символ свободной Африки, которую пытаются вновь поработить колонизаторы. В честь лидера Конго в Советском Союзе был назван Институт дружбы народов – крупнейшее учебное заведение для ориентировавшихся на социалистический лагерь молодых африканских интеллектуалов. Даже в провинциальном Свердловске одна из улиц на окраине города стала носить имя П. Лумумбы. Для рядового россиянина П. Лумумба – едва ли не единственный известный политик Африки.

Между тем, личность П. Лумумбы уже в начале 1960-х гг. отнюдь не однозначно оценивалась в прессе Запада. По-разному его правление интерпретируется и в современной литературе. Заметим, что эта противоречивость оценок присуща не только иностранным авторам. Характеризуя отечественную африканистику, мы нередко забываем, что, помимо советской историографии, существовал и такой интересный ее поток, как эмигрантские исследования истории Африки. В этих исследованиях П. Лумумба зачастую предстает совершенно иной фигурой, чем на страницах произведений советских историков.

Процессы деколонизации стран Тропической Африки, достаточно активно развивавшиеся уже в 1950-е гг., весьма неоднозначно воспринимались российскими эмигрантскими публицистами. Последние не могли не обратить внимания на тот факт, что границы между новыми государствами, являвшиеся наследием колониального прошлого, зачастую были весьма искусственными и не учитывали этнической ситуации на континенте. Это стимулировало межэтнические и межгосударственные конфликты, стремление лидеров молодых государств к расширению подконтрольной им территории. Одновременно все более сомнительными становились перспективы формирования демократических структур в странах Африки. Внимательно наблюдая за развитием событий, эмиграция уже к концу 1950-х гг. вынуждена была признать, что процессы социально-экономической и политической трансформации в молодых государствах Африки развивались без видимых успехов. Старый эсер, бывший секретарь Учредительного собрания М. В. Вишняк уже в 1960 г. обратил внимание на то, что после провозглашения независимости во многих странах Африки формировались не демократические, а жесткие авторитарные режимы. Не происходило и принципиального улучшения экономической ситуации, оказывались неэффективными те методы выхода из кризиса, которые предлагались западными экспертами¹. Эмигрантские публицисты обращались и к проблеме эффективности оказания странами Запада экономической помощи молодым африканским государствам. Уже к началу 1960-х гг. были очевидны те проблемы, на которые будут указывать аналитики и в последующие десятилетия. Меншевицкий публицист Ю. П. Денике, например, отмечал, что экономические программы, разрабатываемые Западом, не улучшали жизнь всего населения, а лишь увеличивали доходы иностранных компаний и способствовали обогащению «туземных дельцов» и коррумпированных чиновников².

Наибольшее беспокойство у антикоммунистической эмиграции стало вызывать развитие событий в Тропической Африке во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Об этом, в частности, свидетельствовал и тот факт, что африканская проблематика стала значительно чаще встречаться на страницах эмигрантской прессы. К этому времени стало очевидно, что ряд молодых государств региона стал ориентироваться на Советский Союз. Об этом свидетельствовали экономические соглашения, заключенные СССР с некоторыми из них. Пытаясь объяснить причины такой ситуации, либерально-демократическая эмигрантская пресса вынуждена была обратиться к анализу политики европейских метрополий в своих колониях. Крупнейшая русскоязычная газета США «Новое русское слово», например, с негодованием восклицало: «О чем думали колонизаторы Африки и Азии в течение десятков лет, когда они извлекали из этих двух континентов все выгоды для себя и очень мало делали для поднятия материального и культурного уровня народов своих колоний? Взрыв против колонизаторов был неизбежен!». По нашему мнению, такие оценки, являясь в целом справедливыми, все же страдали некоторой схематизацией и не учитывали специфику колониальной политики различных европейских держав. Интересно, что на страницах все того же «Нового русского слова» встречались и несколько прямолинейные объяснения причин успешности коммунистической пропаганды в Африке, более характерные для национал-патриотических изданий. Заявлялось, например, что, поскольку «негры почти поголовно неграмотны, то их примитивными ушами овладевают коммунисты»³.

Особое внимание в эмигрантской прессе уделялось, несомненно, событиям в Бельгийском Конго.

¹ См.: Вишняк М. В. Демократия в Африке // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1960. № 5. С. 92.

² См.: Денике Ю. Новый этап алжирской драмы // Социалистический вестник. 1960. № 12. С. 230.

³ Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 2 апреля.

Информация о развитии ситуации в этой стране Центральной Африки постоянно поступала по каналам различным информационным агентствам, и эмигрантские газеты и журналы пытались понять, что же происходило в этом отдаленном от них районе земного шара, дать свою оценку происходящему. Отметим, что, как и в других случаях, приверженность авторов публикаций тем или иным общим идеологическим концепциям отражалась на оценке ситуации в данной конкретной стране.

Без внимания эмигрантской прессы не остался уже сам факт провозглашения независимости бывшего Бельгийского Конго 30 июня 1960 г. Международное признание возникшего вскоре первого национального правительства во главе с П. Лумумбой было крайне негативно встречено консервативными кругами российской эмигрантской общественности. Именно как ошибку Запада оценивали этот шаг, в частности, монархисты Русского Парижа, так характеризовавшие ситуацию после провозглашения Конго независимым: «В огромной стране все рухнуло в несколько дней». В публикациях монархической прессы приводились многочисленные факты, свидетельствовавшие о всплеске насилия в молодом государстве, создавалась картина полного хаоса, наступившего после ухода бельгийцев. Внимательный анализ публикаций, однако, показывает, что эмигранты фактически признавали, что целью операции ООН в Конго было недопущение включения страны в орбиту влияния СССР: «ООН делает все, чтобы только П. Лумумба не позвал в Африку советские войска, что вполне реально»⁴.

На схожих позициях находились и деятели правоцентристского Народно-трудового союза (НТС), также полагавшие, что после ухода бельгийцев в Конго начался хаос, которым мог воспользоваться Советский Союз для усиления своего влияния в стране. Вина за «дикие погромы» в стране в первые месяцы независимости возлагалась на П. Лумумбу, поэтому одобрялись действия его противников – «патриотических сил», которые «засадил за решетку премьер-министра». Большое внимание в публикациях «Посева» уделялось роли СССР в этих событиях, которая объявлялась определяющей. Целью солидаристов было сформировать у читателя мнение, что группировка П. Лумумбы – это «отнюдь не конголезское национальное движение и с интересами Конго оно ничего общего не имеет»⁵. Конго рассматривалось как новый фронт «холодной войны», где П. Лумумба выступал в качестве очередного «агента Москвы».

В связи с этим деятелями НТС закономерно ставился вопрос о том, какова же стратегия Запада в Центральной Африке. Именно отсутствие такой стратегии и объявлялось главной причиной сохранения внутриаполитической нестабильности в регионе. Критике подвергалась «компромиссная» линия администрации Дж. Кеннеди, сущность которой состояла в том, чтобы «демонстративно избегать малейшего жеста, который мог бы быть истолкован как американское вмешательство во внутриконголезские дела». Но «отсутствие» США в конголезском конфликте приводило к тому, что получали возможность активизировать свои действия здесь страны социалистического лагеря. К тому же, полагали публицисты «Посева», у Запада отсутствовала координация действий различных стран в Конго. В потоке информационных сообщений обнаруживались свидетельства того, что ситуация в Конго имеет общие черты с положением в 1950-е гг. в Марокко. Вновь шла борьба за экономическое влияние в стране, на этот раз между США и Бельгией. В то же время, вопреки заявлениям советских средств массовой информации, солидаристы утверждали, что бельгийцы в независимом Конго после отстранения П. Лумумбы от власти «никакой крупной политической роли не играют»⁶.

Вопрос об экономическом присутствии бельгийцев в независимом Конго не является частным, он связан и с более общими, чрезвычайно важными проблемами, активно обсуждаемыми в современной африканистике. Проблема значения колониального периода в истории Африки, как известно, относится к числу дискуссионных. Существуют и различные оценки влияния бельгийцев на экономическое и политическое развитие Конго. Большой интерес, на наш взгляд, представляют те суждения, которые высказала в своих мемуарах З. А. Шаховская – известная общественная деятельница российской эмиграции первой послереволюционной волны, долгие годы являвшаяся редактором «Русской мысли» – крупнейшей газеты Русского Парижа 1940-1990-х гг. В 1920-е гг. она вместе с мужем С. С. Малевским-Малевичем жила в Бельгийском Конго. Свои воспоминания об этом периоде своей жизни З. А. Шаховская писала уже после обретения Конго независимости. Очевидно, на ее оценку роли бельгийцев в истории страны оказывали влияние и известия о тех процессах, которые происходили в Центральной Африке после ухода из региона европейцев. Так или иначе, З. А. Шаховская была убеждена: «Как бы я ни относилась к белым, жившим рядом со мной, было ясно, что без них Африка никогда не выйдет из тьмы и невежества. Она была далека от национального единства, единства цивилизации или религии. Цвет кожи был единственной связью между племенами, которые ее населяют. Если Стэнли и Ливингстон... не открыли бы Конго, численность его населения в настоящее время была бы опасно мала. Я вовсе не защищаю капиталистов, они сами себя защищают, и довольно неплохо, как относительно колонизации, так и деколонизации. Но если бы крупные компании не обосновались в Конго и если бы им не потребовалась рабочая сила, чтобы разрабатывать богатства страны, то в Африке продолжали бы свирепствовать проказа, желтая лихорадка, малярия,

⁴ Русское воскресенье. Париж, 1960. 23 июля.

⁵ Посев. Франкфурт-на-Майне, 1961. № 1-2. С. 17; № 4. С. 11.

⁶ Посев. 1961. № 4. С. 11.

сонная болезнь... И все это не считая голода. Как оценить все то добро, которое католические и протестантские миссионеры принесли в Африку? Как можно забыть священников, монахинь и миссионеров, убитых во время деколонизации? Не являются ли они жертвами, заложниками своей любви к африканцам?»⁷

Заметим, что З.А.Шаховская отнюдь не относилась к числу консерваторов, сторонников имперской модели государства, прямолинейных приверженцев тезиса об изначальном превосходстве белого человека. В Российском зарубежье она была известна тем, что всегда отличалась гибкостью мышления, готовностью идти на компромиссы. Неслучайно З. А. Шаховская – одна из очень немногих крупных деятелей Российского зарубежья, в чьих работах можно встретить исключительно положительные характеристики коммунистического лидера Н.С.Хрущева. В отличие от большинства эмигрантов, она полагала, что его преобразования не являлись лишь маневром КПСС, а представляли собой важные шаги на пути решительного обновления страны. Такую же нестандартность подходов З. А. Шаховская проявляла и при анализе ситуации в Африке. Позднее она отмечала: «Я очень быстро понял то, о чем в Европе, похоже, тогда не знали. У черных, как и у нас, белых, существуют, если хотите, различные национальности. А для нас они просто люди с черной кожей, которых мы поспешно хотели объединить в одно целое»⁸. Иными словами, З. А. Шаховская очень внимательно вглядывалась в то, что ее окружало в Центральной Африке в 1920-е гг., старалась понять проблемы общества в Бельгийском Конго. Это делает еще более ценным ее вывод о позитивной роли бельгийцев в истории страны. От этого еще большим было и ее возмущение, когда З. А. Шаховская узнавала о расправах над европейцами в первые недели пребывания у власти П. Лумумбы.

Заметим, что З. А. Шаховская была далеко не единственной российской эмигранткой, длительное время жившей в Конго. В середине XX в. эта территория являлась одним из главных центров российской эмиграции в Тропической Африке. Проживающий ныне в Бельгии известный историк В. К. Ронин специально занимается данной проблемой. По его подсчетам, в Бельгийском Конго и в Руанда-Урунди (эта подопечная территория ООН также была зависимой от Бельгии) в 1920-1950-е гг. жили более 600 россиян⁹. Жизнь российских эмигрантов в этих далеких странах привлекала внимание не только историков, но и журналистов, писателей Российского зарубежья. Об этом сюжете писал, в частности, один из старейших литераторов российской эмиграции Василий Иванович Немирович-Данченко, который указывал, что русские в Бельгийском Конго – это «не простые рабочие, а техники, инженеры, вообще, люди, поступившие на службу в сравнительно блестящих условиях. Они строят мосты, проводят дороги, производят изыскания руд, эксплуатируют леса. У них работают местные негры»¹⁰. Такой относительно высокий статус российских эмигрантов в Центральной Африке привлекал некоторых представителей молодежи, которые начинали мечтать об отъезде из Европы в Конго. Однако и Вас. И. Немирович-Данченко, и многие мемуаристы отмечали, что Бельгийское Конго встречало европейцев исключительно неблагоприятным климатом, тропическими болезнями и т.д. Многие российские эмигранты (например, упомянутая выше З. А. Шаховская) именно по этим причинам с нетерпением ожидали, когда можно будет вернуться в Европу, нередко даже разрывая для этого контракты с бельгийскими фирмами. Тем не менее, очевидно, что россияне внесли немалый вклад в развитие экономики Конго. Однако, после прихода к власти П.Лумумбы многих из них, как и бельгийцы, вынуждены были бежать из страны. Так, прожив в стране не один десяток лет, адаптировавшись к климату, вынуждены были покинуть Конго Н.М.Агафонова, В.П.Аксаков, А.М.Бакунин, барон Ю.Г.фон Бильдерлинг и другие российские эмигранты. Большинство из них являлись квалифицированными специалистами, на труде которых держалась экономика Конго. Их отъезд из страны быстро привел к острому дефициту инженеров высокой квалификации, поскольку национальных кадров аналогичного уровня было крайне мало. Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе социально-экономической ситуации в Конго при Патрисе Лумумбе.

По мнению многих российских эмигрантов, именно такие национальные кадры, подготовленные при участии Европы и США, могли бы не только обеспечить более быстрое развитие экономики Конго, трансформацию общества, но и являться опорой западной цивилизации в этой африканской стране. В эмигрантской прессе начала 1960-х гг. появлялись публикации, где Западу рекомендовали сделать ставку не на военные или экономические механизмы усиления своего влияния в Конго, а на информационное и пропагандистское воздействие. Интересен, например, взгляд одного из публицистов «Посева», отмечавшего: «Шансы Запада и всего свободного мира заключаются не в бельгийских и американских капиталах», а в созданном при участии католического университета Лувена Леопольдвилльском университете («Лованиуме»). В связи с этим деятель НТС с надеждой писал: «Пройдет пять-шесть лет, и молодая квалифицированная конголезская интеллигенция, воспитанная в духе христианской морали, сможет принять

⁷ Шаховская З. Конго // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 38.

⁸ Шаховская З. Указ.соч. С. 37.

⁹ См.: Ронин В. «Русское Конго»: действующие лица // Там же. С. 154.

¹⁰ Немирович-Данченко В. Наши в даях // Там же. С. 139.

на себя ответственность за судьбы страны»¹¹.

Внимание мировой общественности в начале 1961 г. привлекло сообщение о смерти «при невыясненных обстоятельствах» П. Лумумбы. Как известно, Советский Союз квалифицировал это событие как международное преступление и потребовал ареста и предания суду его виновника, «агента колонизаторов» Чомбе. Что же касается реакции печатного органа крупнейшей эмигрантской политической организации – солидаристского «Посева», то, заметим, он даже и не пытался снять вину за это событие с правительства Катанги, указав лишь, что руководству СССР надо посоветовать вспомнить о бессудных расправах НКВД¹². Заметим, что после отстранения от власти П. Лумумбы тон многих эмигрантских средств массовой информации изменился. Если ранее они решительно требовали от Запада вмешаться в ситуацию, рисуя картины происходящей в Конго гуманитарной катастрофы, то уже в конце 1961 г. эмигрантские публицисты стали выступать против ввода в страну войск ООН. Это было связано с тем, что главным для антикоммунистической эмиграции было не допустить попадания Конго в орбиту влияния СССР. Весьма откровенно, на наш взгляд, об этом писало «Новое русское слово»: «Может оказаться, что войска ООН наведут порядок, устранив власть Чомбе, а его место займет ставленник Хрущева»¹³.

На наш взгляд, несколько иначе, чем правые и правоцентристы, оценивал ситуацию в Конго ведущий меньшевистский африканист – Ю. П. Денике. Прежде всего, он подверг резкой критике бельгийскую колониальную политику в стране, которая и стала основной причиной хаоса после провозглашения независимости. По его мнению, сущностью этой политики было стремление не допустить образования туземных политических элит. В результате летом 1960 г., после ухода из страны бельгийцев, вся система управления рухнула, что и облегчило приход к власти П. Лумумбы¹⁴. Однако и после этого, полагал Ю.П.Денике, политика Запада в этой центральноафриканской стране была неверной. Ее определяли международные компании по добыче алмазов, которые были заинтересованы в том, чтобы сохранить свои позиции в определенных районах страны. Поэтому они поддерживали сепаратистские движения, в то время, как, полагал меньшевистский публицист, среди местной интеллигенции гораздо более популярны были настроения централизма и антитрайбализма. В результате те слои населения, которые могли бы быть опорой «свободного мира» в Конго, фактически вынуждены были искать поддержки у Советского Союза. Неверно, по мнению Ю. П. Денике, оценивала правая эмигрантская печать и П. Лумумбу. Реально он был по своим взглядам не коммунистом, а скорее «панафриканистом»¹⁵, но политика Запада, поддерживавшего сепаратистов и защищавшего интересы международных монополий, толкнула его в сторону ориентации на Советский Союз.

Таким образом, ситуация в Конго привлекала наибольшее внимание российских эмигрантских публицистов, однако параллельно анализировались политические процессы и в других странах региона. Центральная Африка не была исключением в условиях, когда «холодная война» между Востоком и Западом шла практически на всех континентах. Однако, ситуация в этом регионе интересна еще и тем, что заставляет более критично подойти к некоторым стереотипам, которые нередко все еще довлеют над исследователями истории Африки. Режим П. Лумумбы в Конго является наглядным примером того, как, отказавшись от «колониального наследия», страна быстро погрузилась в состояние гражданской войны.

¹¹ Посев. 1961. № 4. С. 11.

¹² См.: Посев. 1961. № 8. С. 11.

¹³ Новое русское слово. 1961. 9 декабря.

¹⁴ См.: Денике Ю. Конго, Куба и социализм // Социалистический вестник. 1960. № 8-9. С. 155.

¹⁵ См.: Он же. Трагедия ошибок // Социалистический вестник. 1961. № 2-3. С. 38.